

«Как некий новый род...»: смолянки, монастырки, институтки

А. Ф. Белоусов

Основание Петербурга стало началом новой России. Именно здесь, в Петербурге, создавалась не только новая русская культура, но и новая «порода» русских людей. Одним из учебных заведений, предназначенных для того, чтобы «преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение»¹, было учрежденное Екатериной II в 1764 году Воспитательное общество благородных девиц. Оно размещалось в стенах Воскресенского девичьего монастыря, который начал строиться еще при Елизавете Петровне на месте принадлежавшего ей Смольного дворца и был открыт одновременно с Воспитательным обществом. Этим объясняется, почему его обычно называли Смольным монастырем, а его воспитанниц — «смолянками» или «монастырками».

Образование, которое давалось питомицам Воспитательного общества, соответствовало «тому духу, тому психическому строю и практическим навыкам, — писал В. В. Розанов, — какие сложились в золотую пору нашего дворянского быта — быта очень твердого, очень высокого, о котором мы можем судить по множеству художественных отражений литературы, который мы все невольно любим уже в этих отражениях»². Основное место в учебной программе уделялось тому, что считали необходимым для светской жизни: изучению языков (прежде всего — французского) и овладе-

нию «дворянскими науками» — танцами, музыкой, пением и так далее. Однако первостепенное значение придавалось не образованию, а воспитанию, о чем свидетельствует само название Воспитательного общества. В соответствии с педагогическими идеями просветителей XVIII века воспитание «нового» человека происходило в строгой изоляции от внешнего мира, погрязшего в «суевериях» и «злонравии». Именно это должно было способствовать созданию «новой породы» светских женщин, которые смогут цивилизовать жизнь дворянского общества.

Особые условия воспитания в женских институтах, как стали называться училища, устроенные по образцу Воспитательного общества благородных девиц, хотя и не создали «новую породу» светских женщин, но сформировали оригинальный женский тип. Это показывает само слово «институтка». Его семантика не ис-

черпывалась обозначением воспитанницы женского института: слово «институтка» имело и более общий смысл (отсутствующий у «гимназистки» или «курсистки»), означая любого человека «с чертами поведения и характером воспитанницы подобного заведения (восторженном, наивном, неопытном и т. п.)»³. Этот образ вошел в поговорку, породил множество анекдотов и отразился в художественной литературе. Обстоятельства, в которых выработался особый социально-психологический тип «институтки», его основные особенности и отношение к нему общества заслуживают внимания и объяснения.

Если первые «смолянки» воспитывались в гуманной и творческой атмосфере, которую поддерживал просветительский энтузиазм основателей Воспитательного общества, то впоследствии возобладал формализм и рутинность обычного казенного учреждения. Все воспитание стало сводиться к поддержанию порядка, дисциплины и внешнего благообразия институток. Основным средством воспитания были наказания, что отдаляло институток от воспитательниц, большинство которых составляли старые девы, завидовавшие молодежи и с особым рвением исполнявшие свои полицейские обязанности. Естественно, что между воспитательницами и воспитанницами зачастую шла самая настоящая война. Она продолжалась и в институтах второй половины XIX века: либерализацию и гуманизацию режима сдерживал недостаток хороших и просто квалифицированных воспитательниц. Воспитание по-прежнему основывалось «больше на манерах, меньше держать себя *comme il faut*, отвечать вежливо, присесть после выслушания нотации от классной дамы или при вызове учителя, держать корпус всегда прямо, говорить только на иностранных языках»⁴.



Г. И. Ржевская.
Худ. С. П. Левицкий. 1773 г.

Однако в отношениях между самими институтками манерность и чопорность институтского этикета сменялись откровенностью и непосредственностью дружеского общения. Институтской «выправке» противостояло здесь свободное проявление своих чувств. Это приводило к тому, что обычно сдержанные и даже «конфузливые» на людях институтки иногда могли повести себя совершенно по-детски. Вспоминая о том, что произошло с ней, когда разговор с неизвестным молодым человеком перешел на «институтскую тему» и затронул любимые ее предметы: «начала хлопать в ладоши, скакать, хохотать», — одна из институток XIX века называет это «глупым институтством»⁵. «Институтство» вызывало резкую критику и насмешки со стороны окружающих, когда воспитанницы выходили из института. «Не из луны ли вы к нам пожаловали?» — обращается к институткам светская дама в романе Софьи Закревской «Институтка» и далее отмечает: «А это детское простосердечие, которое так резко выказывается при совершенном незнании светских приличий... Уверяю вас, в обществе сейчас можно узнать институтку»⁶.

Обстоятельства жизни в закрытом учебном заведении замедляли взросление институток. Хотя воспитание в женском обществе и акцентировало зарождавшиеся в девушках душевные переживания, формы их выражения отличались детской об-



Матан и институтки.

Е. Самокиш-Судковская. Ил. к книге Н. А. Лухмановой «Девочки. Воспоминания из институтской жизни» (СПб., 1896)

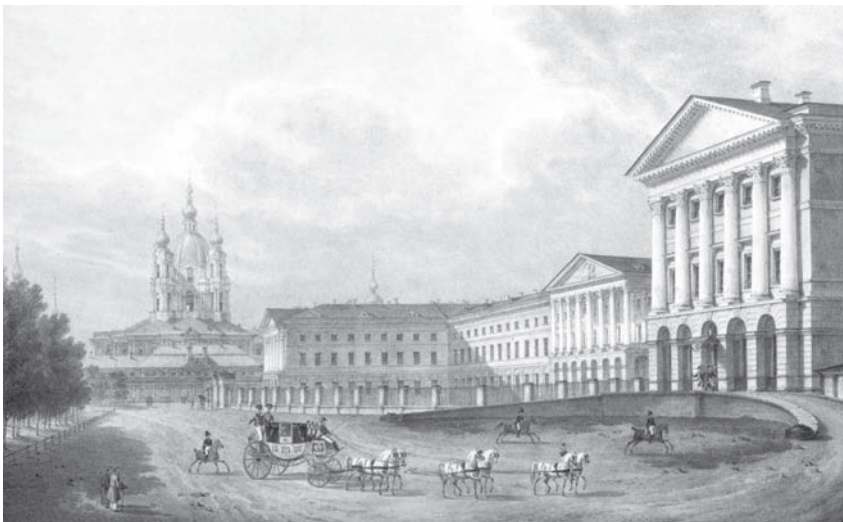


Портрет Е. Н. Хрущевой и Е. Н. Хованской.
Худ. Д. Г. Левицкий. 1773 г.

рядностью и экспрессивностью. Героиня романа Надежды Лухмановой «Институтка» хочет попросить у человека, к которому она испытывает симпатию, «что-нибудь на память, и это «что-нибудь» — перчатку, платок или хоть пуговицу — носить на груди, тайно осыпая поцелуями; затем подарить что-нибудь соответственное ему, а главное плакать и молиться, плакать на виду у всех, возбуждая к себе этими слезами интерес и сочувствие»: «так делали все в институте и выходило очень хорошо»⁷. Аффектированная чувствительность выделяла выпущенных в свет институток на фоне окружающего общества и была отмечена им как типично институтская черта. «Показать всем свою печаль, — думает та же героиня, — еще смеяться станут, скажут: сентиментальная институтка»⁸. Однако эта черта лишь отражает уровень развития воспитанниц институтов благородных

девиц, вступающих во взрослую жизнь с душой и культурными навыками девочки-подростка.

Во многих отношениях они мало чем отличались от своих сверстниц, не получивших институтского воспитания. Это воспитание, например, так и не смогло преодолеть «суеверие веков», на что рассчитывали его учредители. Институтские суеверия отражают бытовые предрассудки дворянского общества. Они включали в себя и характерные для послепетровской России формы «цивилизованного» язычества, вроде обожествления супруги Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны, воспитанницами Патриотического института, причислившими ее после смерти к «лику святых» и сделавшими из нее своего «ангела-хранителя»⁹. Элементы традиционных верований тесно переплетаются с заимствованиями из западноевропейской религиозно-бытовой куль-



Воспитательное общество благородных девиц.
Худ. К. П. Бегров по оригиналу С. Ф. Галактионова. 1823 г.

туры. Институтки «все до одной боялись покойников и привидений»¹⁰, что способствовало широкому распространению легенд о «черных женщинах», «белых дамах» и тому подобной чертовщине, населявшей помещения и территорию институтов. Очень подходящим местом для бытования таких рассказов являлись старинные здания Смольного монастыря, с которыми была связана ходячая легенда о замурованной там монахини, пугавшей по ночам боязливых смолянок¹¹. И вот, когда «напуганное воображение» рисовало институткам «ночных призраков»¹², со страхами боролись испуганным детским способом: «разговор о чудесном и о привидениях был одним

из самых любимых, — вспоминала воспитанница Патриотического института. — Мастерницы рассказывать говорили с необыкновенным увлечением, меняли голос, вытаращивали глаза, в самых поразительных местах хватали за руку слушательниц, которые с визгом разбежались в разные стороны, но поуспокоясь немного, трусихи возвращались на покинутые места и с жадностью дослушивали страшный рассказ»¹³. Известно, что коллективное переживание страха помогает преодолеть его.

Если младшие воспитанницы довольствовались пересказом «суевренных сказок», услышанных от сиделок и прислуги, то старшие рассказывали

«волшебные сказки» собственного сочинения, пересказывали прочитанные или же выдуманные ими самими романы. Институтки долгое время пользовались репутацией весьма начитанных особ. Эта репутация имела определенные основания, если даже Тургенев, который не жаловал воспитанниц институтов благородных девиц, поручил любимшей литературе и пописывавшей «стишки» институтке приохотить к чтению Елену Стахову, благодаря чему героиня романа «Накануне» и стала «новой женщиной» в русской культуре XIX века. Впрочем, начитанность институток не стоит и преувеличивать. Оторванные от интересов современной жизни, институтские



Портрет воспитанницы Смольного института Ольги Жданович.
Фото П. Федотова. 1847–1848 гг.



Екатерининский институт (Санкт-Петербургское училище ордена св. Екатерины) на Фонтанке.
Фото. 1890-е гг.

курсы русской и иностранной литературы не восполнялись внеклассным чтением, которое всячески ограничивалось и контролировалось, чтобы оградить институток от «вредных» идей и неблагопристойностей и сохранить в них детскую невинность ума и сердца. «Зачем им душу возвышающее [чтение], — говорила начальница одного из институтов классной даме, читавшей по вечерам воспитанницам Тургенева, Диккенса, Достоевского и Льва Толстого, — это надо народ возвышать, а они и так из высшего класса. Им важно невинность воспитать»¹⁴.

Институт строго оберегал младенческую непорочность своих воспитанниц. Она считалась основой высокой нравственности. В стремлении оставить институток в неведении относительно греховных страстей и пороков воспитатели доходили до форменных курьезов: иногда седьмую заповедь даже заклеивали бумажкой, чтобы воспитанницы вообще не знали, о чем здесь идет речь¹⁵. Варлам Шаламов писал и об особых изданиях классиков для институток, в которых «было больше многоточий, чем текста»: «Выброшенные места были собраны в особый последний том издания, который ученицы могли купить лишь по окончании института. Вот этот-то последний том и представлял собой для институток предмет особого вожделения. Так девицы увлекались художественной литературой, зная «на зубок» последний том классика»¹⁶. А между тем даже скабрзные анекдоты об



Прием гостей в институте.

Е. Самокиш-Судковская. Ил. к книге Н. А. Лухмановой «Девочки. Воспоминания из институтской жизни» (СПб., 1896)



Вид монастыря Благородных девиц в Санкт-Петербурге.
Худ. М.-Ф. Даман-Демартре. 1813 г.

институтках исходят из представлений об их безусловной невинности и непорочности.

Однако романы привлекали воспитанниц не только «греховной» темой или занимательным сюжетом, который можно было пересказать перед сном подругам. Они давали возможность познакомиться с той жизнью, что шла за «монастырскими» стенами. «Я вышла из института, — вспоминала В. Н. Фигнер, — с знанием жизни и людей только по романам и повестям, которые читала»¹⁷. Естественно, что многих институток обурежала жажда попасть в героини романа. Очень способствовали тому и «фантазерки, начитавшиеся романов»: они выводили «затейливые узоры по канве <...> бедняжек, бедных фантазией, но жаждавших романтических картин в их будущем»¹⁸.

Мечты о будущем занимали все более существенное место в жизни воспитанниц по мере того, как приближался выпуск из института. Мечтали не столько в одиночку, сколько сообща: вместе с ближайшей подругой или всем отделением перед сном. Этот обычай является ярким примером «чрезмерной общительности» воспитанниц, которая приучала их «не только действовать, но и думать вместе; советоваться со всеми в мельчайших пустяках, высказывать малейшие побуждения, проверять свои мнения другими»¹⁹. О чем речь, если овладевая сложным искусством парного хождения (которое служило одним из характерных признаков институтского воспитания), институтки разучивались ходить в одиночку. Им действительно «чаще приходилось говорить “мы”, чем “я”»²⁰. Отсюда — и неизбежность коллективного мечтания вслух. Характерна реакция одного из героев чеховского «Рассказа неизвестного человека» на предложение «мечтать вслух»: «Я в институте не был, не проходил этой науки»²¹.

Обращает внимание подчеркнутый праздничный характер жизни, о которой мечтали в институтах. Институтки оттапливались от скучного однообразия порядков и суровой дисциплины институтской жизни: будущее должно было быть полной противоположностью окружающей их действительности. Определенную роль играл и опыт общения с внешним миром, будь то встречи с нарядно одетыми людьми во время воскресных свиданий с родственниками или же институтские балы, на которые при-



Е. Н. Водовозова

глашались воспитанники самых привилегированных учебных заведений. Оттого будущая жизнь казалась беспрерывным праздником. Это порождало драматическую коллизию между институтскими мечтами и реальностью: многим институткам приходилось «прямо с облаков спуститься в самый неказистый мир», что крайне осложняло и без того трудный процесс адаптации к действительности.

Институтки были весьма благосклонно приняты культурной элитой конца XVIII — начала XIX века. Литераторы превозносили новый тип русской светской женщины, хотя и усматривали в нем совершенно раз-



Портрет воспитанницы
Елизаветинского института.
Фото. 1912 г.

ные достоинства: классицисты — серьезность и образованность, сентименталисты — естественность и непосредственность. Институтка продолжала играть роль идеальной героини и в романтическую эпоху, которая противопоставляла ее светскому обществу и миру как образец «высокой простоты и детской откровенности». Внешний вид институтки, «младенческая непорочность» мыслей и чувств, ее отстраненность от мирской прозы жизни, — все это помогло видеть в ней романтический идеал «неземной красавицы». Вспомним юную институтку из «Мертвых душ» — «свеженькую блондинку <...> с очаровательно круглившимся овалом лица, какое художник взял бы в образец для мадонны»: «она только одна белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы»²².

Одновременно существовал и прямо противоположный взгляд на институтку, в свете которого все благоприобретенные ею манеры, привычки и интересы выглядели «жеманством» и «сентиментальностью». Он исходил из того, что отсутствовало в институтках. Воспитанницы женских институтов предназначались для духовного преобразования светского быта, и поэтому институт мало готовил их к практической жизни. Институтки не только ничего не умели, они вообще мало что понимали в практической жизни. «Тотчас после выхода из института, — вспоминала Е. Н. Водовозова, — я не имела ни малейшего представления о том, что прежде всего следует условиться с извозчиком о цене, не знала, что ему необходимо платить за проезд, и у меня не существовало портмоне»²³. Это вызывало резко негативную реакцию со стороны людей, занятых повседневными делами и заботами. Они считали институток «белоручками», «набитыми дурами», «кисейными барышнями» (выражение, восходящее к выпускной форме воспитанниц женских институтов: белые кисейные платья с розовыми кушаками). Вместе с насмешками над «неловкостью» институток распространялись «стереотипные суждения» о них как об «изрядно невежественных существах, думающих, что на вербах груши растут, остающихся глупо-наивными до конца своей жизни»²⁴. Институтская наивность стала притчей во языцех.

Осмеяние и возвеличение институток имеют, по сути дела, одну и ту же точку отсчета. Они лишь отра-

жают различное отношение к детскости воспитанниц институтов благородных девиц, которую культивировали обстановка и быт закрытого учебного заведения. Если на «набитую дуру» взглянуть с некоторым сочувствием, то она оказывалась просто «дитя малое» (как говорит, обращаясь к воспитаннице, институтская горничная: «несмышлениш вы, как дитя малое, только что каля-баля по-французски, да трень-брень на рояле»²⁵). А с другой стороны, скептическая оценка образованности и воспитанности институтки, когда она служила образцом «светскости» и «поэтичности», сразу же обнаруживала ее «детское, а не женское достоинство» (что должен был открыть герой задуманной А. В. Дружининым драмы, которая затем превратилась в знаменитую повесть «Полинька Сакс»²⁶). В связи с этим и сами институтки, чувствовавшие себя «детьми» в непривычном для них взрослом мире, иногда сознательно играли роль «ребенка», всячески подчеркивая свою детскую наивность (ср.: «все жеманство, так называемое жангильничанье, приторное наивничанье, все это легко развивалось в институтках в первые годы после вы-

пуска, потому что этим забавлялись окружающие»²⁷). «Выглядеть» институткой — зачастую значило: говорить ребячьим голосом, придавая ему специфически-невинный тон и смотреть девочкой²⁸.

Однако при этом не следует забывать и о культурном потенциале образа институтки, который возникает в период расцвета дворянской культуры и переживает ее кризис, несмотря на неприязнь со стороны разночинской интеллигенции 1860–1870-х годов, видевшей в институтках жалкий пережиток крепостнической России, и презрение передовой молодежи начала XX века. Лишь зная этот культурный потенциал, можно понять, почему одним из самых типичных институтских сюжетов в русской реалистической литературе является история превращения институтки в проститутку. Это — по сути дела, падение ангелов, в виде которых с самого начала и представлялись институтки. Еще в 1773 году, восхищаясь смолянками, впервые появившимися перед публикой в Летнем саду, поэт предположил, что

*...сами ангелы со небеси сошли,
Ко обитанию меж смертных
на земли*²⁹.

Институтки исправляли порочных и возрождали к жизни разочарованных в ней людей, о чем мечтал Чичиков в «Мертвых душах» и как это происходит в чеховской «Даме с собачкой». Они воплощали в жизнь основополагающую для нашей культуры идею: очиститься от греховной «скверны» мирской, повседневной жизни и спастись можно только с помощью сверхъестественной, потусторонней силы. Этой силой и выступали «Шиллеровы ангелочки»³⁰ из институтов благородных девиц.

Едва ли этот сокровенный смысл ощущается современным человеком. Он забылся не столько за давностью лет, сколько под давлением обстоятельств: люди, закрывшие институты благородных девиц, похвалялись тем, что они не институтки, и всячески поносили воспитанниц «благородных заведений». Однако им так и не удалось окончательно дискредитировать институток. Обострившийся в последнее время интерес к России, которую мы потеряли, привлек внимание и к институткам. Образ юной институтки вновь воспринимается как характерный тип старого Петербурга и как один из основных культурных символов дореволюционной России.

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVI. № 12103.

² Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 58.

³ Словарь русского языка. М., 1981. Т. 1. С. 670.

⁴ Половцева Е. А. Екатерининский институт полвека назад: (Из воспоминаний бабушки). М., 1900. С. 17.

⁵ Водовозова Е. Н. На заре жизни. М., 1987. Т. 1. С. 34.

⁶ Закревская С. А. Институтка: Роман в письмах // Отеч. зап. 1841. № 12. С. 230.

⁷ Лухманова Н. А. Институтка. М., 1904. С. 89.

⁸ Там же. С. 90.

⁹ См.: Записки институтки: Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г., из рукописей покойного В. И. Даля, доставленных по его распоряжению в редакцию // Семейн. вечера (для старшего возраста). 1873. № 1. С. 39.

¹⁰ Записки институтки // Семейн. вечера. 1873. № 2. С. 184.

¹¹ См.: Соколова А. Из воспоминаний смолянки // Вестн. всемир. истории. 1901. № 6. С. 137.

¹² Воропанова М. М. Институтские воспоминания // Рус. школа. 1902. № 10/11. С. 47.

¹³ Записки институтки // Семейн. вечера. 1873. № 2. С. 185.

¹⁴ См.: Горбунова-Посадова Е. Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М., 1929. С. 14.

¹⁵ См.: Половцева Е. А. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ Шаламов В. Т. Об институтках и студентках // За промышленные кадры. 1935. № 19–20. С. 108.

¹⁷ Фигнер В. Н. Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 93.

¹⁸ Лаврентьева С. И. Пережитое: (Из воспоминаний). СПб., 1914. С. 28.

¹⁹ Виницкая А. [Будзианик А. А.] Повести и рассказы. СПб., 1886. С. 7.

²⁰ Там же. С. 8 (курсив автора).

²¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1985. Т. 8. С. 164.

²² Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М., 1951. Т. 6. С. 166 и 169.

²³ Водовозова Е. Н. Т. 2. С. 20.

²⁴ Воропанова М. М. Указ. соч. С. 35.

²⁵ Лухманова Н. А. Девочки: Воспоминания из институт. жизни. СПб., 1899. С. 117.

²⁶ См.: Дружинин А. В. Повести. Дневники. М., 1986. С. 411.

²⁷ Записки институтки // Семейн. вечера. 1873. № 2. С. 179.

²⁸ См.: А [Казина А. Н.] Женская жизнь // Отеч. зап. 1877. № 3. С. 189.

²⁹ [Сумароков А. П.?] Стихи господам девицам первого возраста, воспитываемым в Новодевичьем монастыре, на присутствие их в первый раз в саду летнего Е. в. дома, сего 1773 году, мая 20 числа // Санкт-Петерб. ведомости. 1773. № 45. 4 июня. Прибавление.

³⁰ Выражение П. А. Плетнева (см.: Записки институтки // Семейн. вечера. 1873. № 4. С. 16).